

Светлана Зотова

Чёрный паук

Был ясный погожий денёк, и торговец сукном Бенвенуто Мартелли с довольным видом прохаживался по лавке. Наконец-то передышка! Бенвенуто хмыкнул и рассеянно огладил бороду.

«Старею, должно быть, — подумал торговец, — радоваться надо, что столько покупателей, и всё больше богатые синьоры — чванливые, но платёжеспособные нобили¹ из контадо² Болоньи и Вероны, да наши из старших цехов³».

Он подошёл к прилавку, развязал

¹ Нобили — знать, высшее дворянство.

² Контадо — округа, сельская территория, подконтрольная городу юридически и экономически.

³ Старшие цеха — семь цехов: цех «Калимала», занимавшийся торговлей и покраской сукна, «Лана», занимавшийся торговлей и выделкой шерстяных тканей, «Камбио», занимавшийся обменом денег, «Пор-Санта-Мария», занимавшийся торговлей шёлком, а также цеха производителей меховых изделий, врачей и аптекарей, судей и нотариусов.

отяжелевший кошель и пересчитал выручку. Россыпь золотых флоринов радующими глаз столбиками замерцала в полутьме лавки. Бенвенуто сощурился и замер, созерцая флорины... он стоял неподвижно какое-то время, то ли думая о своих делах, то ли подсчитывая барыши, затем уверенным движением сгрёб монеты мясистой, крепкой ладонью, и они исчезли в чреве тёмно-синего бархатного кошеля с вышитым гербом цеха Калимала, а также инициалами владельца.

Словно золотые рыбки прыгнули в пасть к меланхоличному киту... «Дзынь-дзынь-дзынь!» — тонко пропели флорины, гордость торгового града Флоренции, что чеканила свою монету без оглядки на Папу, очередного императора Священной Римской Империи и родовитых грандов.

— Всех грандов мы прижмём к ногтю, — пропел себе под нос толстяк Мартелли, — и чёрных гвельфов⁴, этих голодранцев, тоже.

Он окинул взглядом разноцветье тканей, особенно ряды драгоценной парчи, и недовольно крикнул:

— Баччо, бездельник, где ты?!

Почти сразу послышался какой-то

⁴ Чёрные гвельфы — одна из двух враждующих политических партий во Флоренции, опиралась на нобилитет и младшие цеха; сторонники Папы Римского.

подозрительный треск и шелест. Из сумрачного дверного проёма вывалился увалень Баччо — высокий, упитанный парень, спокойный и сильный, как вол, а также очень неуклюжий. Баччо стукнулся головой о стрельчатую арку и чуть не выронил из рук несколько витков парчи. Он ойкнул и выжидающе уставился на Мартелли. Торговец нахмурился.

— Выложи парчу, — распорядился Мартелли, скептически разглядывая своего помощника. Баччо отчаянно засуетился: два отреза парчи выскользнули и с глухим стуком упали под ноги Бенвенуто.

— Аккуратнее, не помни ткань, не испачкай! — чуть ли не зашипел торговец, негодуя на неловкие движенья увальня. — Я взял тебя в учёбу только из-за обещания моему любимому другу Джованни, упокой Господи его мятежную душу.

Мартелли перекрестился и невольно вздрогнул, вспоминая тот разброд и шатания и последовавшие за ними беспорядки и бунты, что привели к изгнанию этого проходимца и гордеца, вождя чёрных гвельфов Джано делла Беллы.

Белла затеял немислимое — управление Флоренции от лица младших цехов⁵ наравне со

⁵ Младшие цеха — цеха виномаркетчиков, хлебопёков,

старшими, а также выдворение нобилей. То, что прижмут хвосты зазнайка нобилиям, Мартелли принял чуть ли не с ликованием, но правление голодранцев из контадо...

— Так у нас приорами⁶ станут чомпи⁷! — негодовал Джованни. Нрав у друга Бенвенуто был буйный и заносчивый до крайности, и толстяк Мартелли не смог удержать его от личного участия в рискованных предприятиях, более приличествующих воякам-кондотьерам⁸, что всю жизнь измеряют силой оружия. Когда Джованни принесли домой с проломленной головой, было уже поздно. Мартелли только по одежде узнал друга.

— Баччо, побудь за меня в лавке, — сказал Бенвенуто. Он всё ещё был мрачен: образ бедняги

торговцев продовольствием, лесоторговцев, кожевенников, дубильщиков, оружейников, слесарей, владельцев гостиниц.

⁶ Приор — глава цеха, член правительства Флоренции.

⁷ чомпи — ремесленники, не составлявшие особых корпораций и не входившие в число младших цехов: прядильщики, ткачи, красильщики, чесальщики шерсти.

⁸ Кондотьеры — руководители группы наёмников, заключившие договор с городом.

Джованни, растерзанного пополанами⁹ у дворца подеста¹⁰, никак не хотел уходить из головы.

Торговец вышел во внутренний двор. Он собирался было пойти на второй этаж и высыпать золото в один из своих ларцов в тайной, как он её называл, комнате, но тут его внимание привлёк резкий недовольный крик, переходящий в испуганный визг.

— Лоренцо! — рявкнул Мартелли. — Перестань мучать Бенито!

— Па, я не мучаю... — раздался звонкий мальчишеский голос.

— А что же ты делаешь? — притворно удивился Мартелли.

Бенито слабо пискнул и с трудом поднялся с земли. Вид у него был помятый и недовольный, он с остервенением стал отряхиваться, выбивая пыль из курточки.

— Мы всего лишь играли, — буркнул Лоренцо и посмотрел на отца без тени смущения.

Мартелли недоверчиво покачал головой, в его

⁹ Пополаны — торгово-ремесленные слои городов Северной и Центральной Италии, в том числе и Флоренции, объединённые в цеха.

¹⁰ Дворец подеста — дворец главы городской администрации.

глазах застыл немой укор. Трое его сыновей были отъявленными сорванцами, но Лоренцо — отличился и тут. Самый старший, самый умный и самый задиристый... а также непочтительный.

— Бенито дразнил Лоренцо, и ему попало, — сказал Моска и отряхнулся, как пёс... длинные каштановые локоны взметнулись, он высунул язык и тяжело вздохнул.

— Моска, скажи гав, Моска... — засмеялась худенькая, бедно одетая девчушка с прелестным, перепачканным сажей личиком.

Моска, дурачась, ещё раз вздохнул, нахмурился, затем резво встал на четвереньки и собрался было гавкать, но тут терпение Мартелли кончилось.

Стремительно, по-юношески ловко, Бенвенуто схватил Лоренцо за ухо.

— А-а-ай! — взвыл мучитель Бенито. Ухо Лоренцо запылало, но в тёмно-карих, почти чёрных глазах — заплясали огоньки ярости и возмущения.

— Моска врёт, мы просто играли! — выпалил Лоренцо. — Он всё придумывает, он с Фьоре в собак играет, он...

— Так... — угрожающе пробасил Бенвенуто, — я не хочу разбираться, кто прав, а кто виноват. Я знаю только, что Бенито никогда на тебя не жалуется и к маме не бежит ябедничать.

— Ещё я знаю, — Бенвенуто засопел от

возмущения, а лицо его стал заливать пурпур, — что синяки у Бенито появляются после игр с тобой!

Лоренцо насупился и взглянул на отца, как маленький волчонок.

— Мартелли не должны мутузить Мартелли! — с чувством произнёс торговец.

— А кого должны мутузить Мартелли, торговых конкурентов? — абсолютно серьёзно спросил Лоренцо.

Бенвенуто от растерянности аж поперхнулся. Он внимательно посмотрел на первенца, чтобы понять, не дурачится ли опять сорванец. Пальцы его непроизвольно разжались, и Лоренцо, морщась, прижал ладонь к малиновому уху. Взгляд его был по-взрослому сосредоточен.

— Настоящий торговец должен быть готов ко всему! — назидательно поднял палец Бенвенуто. — И в драке бока намять, и покупателей сманить.

Лоренцо улыбнулся и посмотрел на Фьоре.

— Ты старший, Лоренцо, и самый расторопный, — рассудительно сказал Мартелли. Он искоса бросил взгляд на незнакомую девочку и кашлянул.

— После того, как Господь заберёт меня, а может быть, и раньше, — важно продолжил Бенвенуто, — ты станешь главой семьи, и тебе придётся управлять мануфактурой и торговать в

лавке. Один ты не справишься, братья будут помогать тебе. Ну и как ты будешь вести дела, если не умеешь управлять людьми, если всё сводишь на драку?

— Я понял, папа, — вздохнул мальчик и кивнул головой, соглашаясь с Мартелли.

Бенвенуто умиротворяюще посмотрел на непутёвого сына.

— Кстати, а кто эта юная синьорина? — спросил Бенвенуто. Он строго глянул на притихшую Фьоре.

— Это Фьоре, она... она, — Лоренцо немного замялся, — мы играем вместе...

— Ты же знаешь, что посторонних не должно быть в доме, — сурово сказал Бенвенуто. — Я не знаю Фьоре. Надеюсь, ты познакомил её с Канио?

— Ну, папа, — протянул Лоренцо, — она живёт неподалёку, мы давно играем, и она зашла ненадолго, а Канио, как обычно, дома не было и...

— Это больше не должно повториться! — гаркнул Мартелли. — Мой дом не Понте Веккьо¹¹, чтобы через него шастал весь город!

Невысокий смуглолицый человек в неприметной одежде прошмыгнул во двор.

¹¹ Понте Веккьо — знаменитый мост во Флоренции, расположенный в самом узком месте реки Арно. Самый старый мост в городе.

— Синьор?

— А, Канио, я рад, что ты так быстро вернулся, — проворчал Мартелли.

— У меня есть дело для тебя... Мелочь, конечно, я бы не стал к тебе обращаться, но Уголино и Марио сейчас в городе...

Канио наклонил голову, внимательно прислушиваясь. Маленькие цепкие глазки поблескивали из-под капюшона.

— Нужно проводить синьорину Фьоре домой, — Мартелли взял испуганную девочку за руку.

Распорядившись насчёт Фьоре, Бенвенуто отправился в тайную комнату, на обратном пути в лавку он встретил Беату, прекрасную свою супругу, и повёл речь о воспитании Лоренцо.

Беата, дородная блондинка со светло-карими, томными глазами, что до сих пор волновали Мартелли, несмотря на долгие годы супружества, отличалась мягкостью и весёлостью характера. Она только посмеялась над мнительностью мужа и посетовала на то, что не познакомилась с Фьоре.

— Ты преувеличиваешь, — сказала Беата, — они ещё дети, пусть играют... Даже если Фьоре из семьи чомпи, то что с того? Лоренцо возьмёт себе жену, которую мы выберем, из уважаемого семейства.

Мартелли покачал головой, не соглашаясь.

— Так или иначе, в нашем доме её не будет, — буркнул торговец. — А Канио узнает, кто она и где живёт.

— Что касается Лоренцо, то пришло время готовить его к торговому делу, — сказал Мартелли, — с завтрашнего дня он будет со мной в лавке. И пора начать его обучение, в первую очередь, чтению и письму.

Мартелли вернулся в полутьму лавки, но мысленно ещё был на залитом солнцем дворе, где играли дети. Он любил эту пору: мягкий, пронизанный светом октябрь, когда уже не задыхаешься от летней жары и духоты, а хмурая слякотная зима ещё впереди, далеко-далеко. Бенвенуто думал о Лоренцо, о том, что из старшего выйдет хороший торговец, несмотря на строптивость, только придётся приложить усилия, много усилий.

— Но с людьми всегда так, — пробурчал себе под нос толстяк Мартелли, — не бывает с людьми легко, к каждому замку свой ключ подобрать надо.

* * *

Только к вечеру мать отпустила его, он вышел во двор уставшим и даже немного ошалелым. Голова гудела от обилия втиснутых в неё знаний, а перед глазами прыгали латинские буквы. Лоренцо